

Шмитт Т.

Античный город как государство

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2390>]

[Публикация работы:]

Шмитт Т. 2010: Античный город как государство // Доклады международной научной конференции «Город в античности и средневековье: общеевропейский контекст» / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ч. 1. Ярославль, 3-8.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

I. ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Т. Шмитт
(г. Бремен, Германия)

Античный город как государство

Вопросы о том, можно ли обозначить греческий полис, *res publica* римлян или власть царей и императоров в древности как «государства», постоянно ставятся в новых исследованиях. По этому поводу представлены весьма различающиеся точки зрения. Бросается в глаза, что дискуссии по большей части протекают параллельно друг другу, а систематический (целостный) анализ явно отсутствует. Сопоставляются высказанные собственные мнения с пестрым обилием других, которые редко соотносятся между собой, и авторы которых часто исходят – со всей очевидностью – из различных предпосылок. Иногда понятийные размышления играют существенную роль для соответствующей постановки вопроса и поэтому определяют установку исследования. Однако чаще, как кажется, речь идет скорее о докучливой предварительной подготовке, а в дальнейшем понятийным размышлениям не придается важного значения.

Было бы слишком самонадеянным задаться целью показать в широком охвате, с какого времени, исходя из каких предпосылок и по каким основаниям говорят о «государствах» в Античности. Да при этом еще и проверять, как различные подходы соотносятся с актуальным опытом государственности или опасностью для нее. В кратком докладе на конференции это нельзя изложить иначе, чем в виде набросков. Задача здесь гораздо более скромная. Речь идет об очень беглых и об очень эскизных рассуждениях. Исходя из одного труда, понимаемого долгое время в немецкоязычных и англоязычных исследованиях в качестве образцового сочинения, а именно труда Виктора Эренберга «Государство греков»¹ (который первый раз вышел в свет в 1957 г., и еще раз был издан в 1965 г. в сильно расширенном и обновленном виде), следует обратить внимание на трудности, которые приносит применение понятия «государство». На основании отдельных примеров и общих рассуждений следует присоединиться – как к приемлемому – утверждению, что речь о «государстве» для форм политического единства, существовавших до Нового времени, и одновременно понимание в качестве точно так же обозначенного современного феномена, в существенных отношениях натывается на препятствия. В итоге делается вывод, что нужно обратить внимание на тяжело поддающуюся решению теоретическую проблему.

Труд Виктора Эренберга «Государство греков» состоит из двух главных частей «Эллинское государство» („*Der Hellenische Staat*“) и «Эллинистическое государство» („*Der Hellenistische Staat*“).

В первой части центром изложения после вводной главы («Становление мира греческих государств») служит объемная вторая глава «Полис». Третья глава о «союзе государств» и «союзном государстве» является, скорее, приложением. Структура главы «Полис» соответствует в важных пунктах тем, которые Эренберг избрал также для раздела «Эллинистическое государство» во второй части, в которой анализируются империи преемников власти Александра Великого.

Как в разделе о полисе, так и в разделе об «эллинистическом государстве» полностью идентичны подразделы «Основы» (основы автор видит в «территории» и «населении») и «Государственные функции». В названном последнем подразделе речь идет о «культе» (для полиса), соответственно «религии и культе» (для эллинистического государства), о «праве», «военном деле», а также о «государственном бюджете» для полиса, соответственно «государственном бюджете и экономике» (во втором случае, для эллинистического государства).

Бросается в глаза и является примечательным, что при всей этой общности, которую рассматривает Эренберг, он применяет для «полиса» такие обозначения (категории), как «политейя», «гражданское право», «конституционные формы», которые отсутствуют при описании «эллинистического государства». Подраздел о «политическом устройстве» посвящен – при характеристике полиса – народному собранию, совету, должностным лицам и судьям, в то время как при характеристике «эллинистического государства» речь идет об «устройстве и сущно-

¹ *Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. T. 1-2. Leipzig: B.G. Teubner, 1957-1958; Ehrenberg V. Der Staat der Griechen". 2. erweiterte Auflage. Artemis, Zürich und Stuttgart, 1965.*

сти царской власти», «администрации», не говоря уже о том, что речь идет о «*государстве и полисе*».

За этой структурой книги Эренберга можно узнать к тому же элементы определения, которые по Георгу Еллинеку конституируют государство и ведут к признанию образований в качестве государств, собственно *территория, народ и власть*. Первое (территория) определено обсуждается; под «государственной властью» понимаются устройство и функции. Поразительно, что схема выдерживается до конца, хотя важнейший элемент «народ» в «эллинистическом государстве» отсутствует.

Эренберг утверждает: то, что он называет «эллинистическое государство», означает царское управление и чиновничество в качестве «собственных органов государства». Они противопоставлены существовавшему полису, сущность которого чужда эллинистическим государствам, и для которых он не был «органически присущей частью»². Эренберг подчеркивает, что полис в эллинистическое время «хотя и не был уже тем же самым, что и материнский или колониальный полис» (архаической и классической эпох – *прим. переводчика*), но и «нельзя вести речь об основополагающем сущностном различии»³.

Нет необходимости здесь обсуждать, является или нет интерпретация Эренберга рефреном новых исследований, уместным и убедительным для них. Напротив, следует констатировать, что исследователи находят противоречие: как можно считать полис, с одной стороны, важнейшей формой эллинского государства и одновременно рассматривать принципиально тождественный полис как, хотя и неорганично связанное, но значимое звено эллинистического государства. Обе – в сущности тождественные – формы полиса, получается, есть одновременно и государство, и часть государства. Что тогда есть вообще «государство»?

Связанная с этим умозаключением проблематика еще более заостряется, если задаться вопросом, можно ли вообще найти в греческом языке общий термин того времени, который бы одновременно обозначал полис и эллинистическую монархию в качестве «государства». Такое понятие отсутствует. Правда, можно многократно обнаружить констелляции, где эти царства и полис встречаются как формально тождественные уровни – например, в войне или договорах. По современным представлениям, эти военные или договорные «международно-правовые» дела, регулировавшие отношения, означают признание сторон в качестве «государств». Однако ясно, что в греческом языке общее обозначение, охватывающее обе формы, отсутствует. Вместо него источники дают перечисление участников.

Это относится не только к эллинистическому времени. Фриц Гшнитцер – в критическом противопоставлении к позиции Эренберга – ссылается на то, что в письменных свидетельствах появляются рядом с полисами также «этноты», – данное слово переводят обычно не полностью соответствующим словом «племя», а также и отдельные лица в качестве «субъектов международного права». Полис и этнос он обозначает как общины; отдельных лиц называет властителями (владыками), их положение характеризует как «господство» («власть») и заключает, что в греческой древности представлены собственно обе формы, которые организовывали общину, и посредством которых структурировалась власть.

Эренберг и Гшнитцер не согласны в вопросе о том, можно ли для эллинского времени обозначить полис именно в качестве греческого государства (так делает Эренберг), или только как одну из форм проявления греческого государства наряду с другими (как того желает Гшнитцер). Единодушны они в том, что полис в любом случае может быть рассмотрен как государство, – и Эренберг тоже ведь не отрицает, что рядом с полисом имелись также другие формы государства, которые он считает исторически не типичными.

Следует сказать, что речь о государстве для Эренберга – это не просто излюбленная *façon de parler*, речь идет об аналитической категории, в которой он выделяет аспекты. Его не сбивает с толку, что в «эллинистическом государстве» отсутствует народ. Напротив, и для Гшнитцера не является препятствием обозначать полис как возможную форму греческого государства, хотя он, присоединяясь к Францу Хамплю, показывает, что «территория», которая принадлежит всякому государству, очевидным образом не является необходимым элементом для полиса.

В любом случае, названные антиковеды определенно констатируют, что, если они говорят о полисе или эллинистических монархиях, то в этом случае с формами проявления «госу-

² Ehrenberg V. Op. cit. 2. Aufl. S. 230.

³ Ibid.

дарства» возникает много хлопот. Они применяют аспекты государственности Нового времени для анализа и изложения, хотя для них ясно, что сущностные черты государств Нового времени отсутствуют у тех государств, к которым они применяют дефиниции. Откуда проистекает очевидная большая готовность признать полис государством? Об этом, прежде всего и должна в дальнейшем идти речь. Ближайшее предположение состоит в следующем: эта склонность исследователей не в последнюю очередь базируется на том, что менее всего можно представить эпохи высоких культур по иному, нежели государство, и можно преобладавшие тогда формы политического объединения рассматривать в качестве именно государства, точно так же, как и существующие в их собственное время.

Эта мысль имеет корнем убеждение, выраженное в аристотелевском тезисе, что человек «существо политическое», и по этой сути, что само собой разумеется, имеет склонность создавать полис. Эта тенденция находит свою цель в *koinwnia tleio~* (совершенной общности), общности, в которой реализуются все индивидуальные и социальные потребности достаточно широко, и которая характеризуется Аристотелем как автономная и автаркичная. В латинском Средневековье была аристотелева характеристика человека как „animal sociale“ воспроизведена, что лучше всего агрегировалось в „societas perfecta“ (совершенной общности). В качестве такой охватывающей „societas“ (общности) описывают Церковь церковные юристы позднего Средневековья. Возвышающееся в Новое время государство узурпировало качество „societas perfecta“, воспользовалось им для себя и нашло в нем легитимацию своих притязаний, осуществить те отличительные черты, которые, начиная с Платона и Аристотеля, применялись в описании полиса. Начиная с XVI в., слово и понятие «государство» не как «состояние», „status“ некоторых персон или их объединения, но – как в первом предложении «Принципов» Макиавелли – в качестве родового понятия к «республике» или «княжеству» было применено (ср. Райнхард Козеллек⁴, VI.9). Одновременно с оформлением понятия «государство» оно стало применяться и для подкрепления теоретических положений (сформулированных в качестве дифференцированных значений) и примеров рефлексии о полисе.

Понятно «государство» имеется с XVI в., оно отличается затем как «современное» от других и ранних (Отто Хинтце), следовательно, оно – абсолютно наследие полиса!

Однако очень важно установить, какую информацию дает происхождение понятия о латинском языке, о римском праве, об *Imperium Romanum* и о ее частичном институциональном наследии, собственно римской церкви. Можно без пространных объяснений допустить, что понятия и представления соответствуют каждой стадии исторического опыта и получают другую форму, переформулируются. Уже на этом основании следует зафиксировать то, что потомки хотят понимать в качестве идентичности. «Государство» имеет корни в полисе, но, в той же степени, конечно, оно присоединяет к себе многое другое, поэтому нельзя исключить, что для понимания полиса в контексте важнейших элементов оно отпадает. В этой точке зрения ценно, что государство – наследие полиса, но не тождество ему. И что идентификация правомерна лишь в инверсии, как проблематично действующая. Это ни в коем случае не заставляет считать, что полис есть государство!

Эта идентификация будет к тому же сомнительной, если принимается, что полис по Платону и Аристотелю есть философско-теоретический конструкт. Тот, чьи рассуждения базируются пусть и на широком и достаточном эмпиризме, как он сегодня для нас возможен, находится, тем не менее, под сильным влиянием общих и концептуальных предшествовавших положений. Это действительно уже для понимания возникновения и развития полиса, которые только – мифологически или теоретически – фундируются, и оно является одновременно существенным для понимания „*zoon politikon*“. Следовательно, это абстракция, из которой черпается понятийность. Это опять-таки ускоряет генезис и формирование представлений о «государстве» и делает возможным их перенос на конкретные государства.

В немецкоязычных исследованиях применение понятия «государство» для описания отношений эпох до новой истории впервые стало проблематичным в результате штудий Отто Бруннера „*Land und Herrschaft*“⁵, посвященных «стране и власти» в Средние века. Данная работа обострила восприятие того, как в современной исторической науке образуются соразмерные понятия. На построениях Бруннера и на основе широкого горизонта опыта понятийного объяснения

⁴ Geschichtliche Grundbegriffe. R. Koselleck (Hrsg.). Stuttgart, 1994 (в дальнейшем – внутритекстовые сноски GG).

⁵ Brunner O. Land und Herrschaft. Wien, 1939; 5. Aufl. Darmstadt, 1965. / WB. 1990.

определял свои позиции Райнхард Козеллек. «Применение термина «государство» для всех культур и периодов мировой истории, может быть оправданным, если это делается сознательно и с методическим учетом его (сравнительного) значения, как и его ограниченной информативности. В более широком, культурно-антропологически обоснованном смысле, не имеет этот термин данности в истории человеческого существования при отсутствии санкционированного, служащего совместной жизни внутри и защите извне порядка, организующего большие или меньшие социальные общности. Дело в договоренности о дефинициях, договоренности о том, можно ли использовать при известных условиях – и в каких границах объема, длительности и степени организации – слово «государство» как формализованное общее понятие» (GG. VI.5f.).

Следуя этому рассуждению, нужно принять в качестве необходимого условия, что обозначение полиса как «государства» может иметь смысл тогда, когда речь идет о полисе как о «санкционированном, служащем совместной жизни внутри и защите от опасности извне, порядке». Это справедливо для классического и архаического полиса. Наряду с этим указывает Козеллек на то, что для дефинирования нужно определить, какие дополнительные критерии относительно объема, продолжительности и степени организованности должны выполняться, чтобы можно было говорить о государстве.

Такие вопросы дискутируются прежде всего в культурно-антропологических и социально-антропологических исследованиях, в тесном контакте с этнологией и этносоциологией. При этом возникают различные модели развития, в каких таких формах социального и политического порядка атрибут «государство» присутствует. В этих моделях обнаруживается в каждой схеме выходящая на первый план высокая степень интенсивности или комплексности развития. Государства возникают примерно тогда, когда в вождествах (chiefdoms) достигает дифференциации социальный или экономический порядок, которая и влечет за собой общественное овеществление до того лишь личных отношений.

Очевидно, что в таких схемах менее комплексные ступени, названные преимущественно новообразованными абстрактными понятиями, обозначаются как „big man society“ («общество „большого человека“»), в немецком языке – „Häuptlingstum“ (chiefdom), в то время как для зрелых форм выбирается традиционное конкретное слово «государство». Форма, которая достигнута и в которой живут сами, признается – из великодушия и этноцентризма – и для ранних эпох.

С тех пор, как с одной стороны, был проведен убедительный анализ трансформации государства в XX в. и, с другой стороны, проведены в тенденции исторические исследования возникновения «государства» как сущностной новой формы политического объединения (той, что была с раннего Нового времени), – исследования, которые сильнее историоризировали феномен и понятие «государство», – должна стать насущной потребность обсудить и те формы, которые далеки от «государства», т.е. существовавшие до Нового времени, назвать критерии, которые оправдывают применение этого понятия.

Такие критерии могут развиваться из современных попыток дать дефиниции. Амбициозный Копенгагенский Центр по изучению полиса предъявил, к примеру, не только обширное документирование понятия полиса, начиная от архаического времени до IV в. до н.э. Одновременно научный руководитель, Могенс Герман Хансен, отстаивал при переизданиях тезис, что полис должен быть рассмотрен как государство, так как полис не только акцептировался как государство в качестве военного противника или партнера по заключению договоров, но и удовлетворял уже упомянутыми критериями Г. Еллинека (государственная территория, народ государства, государственная власть). Это выглядит почти так, как будто Хансен взял на себя роль члена комиссии, которая проводила экспертизу для приема этого полиса в ООН.

Здесь не место выяснять, хочется ли кому-то на основе этого метода всегда следовать понравившимся суждениям; относительно территориальности было уже высказано сомнение. Собственно, однако, даже если полис этим чертам соответствует, хотя это еще далеко не показано, но даже если соответствует, нужно еще показать, что эти черты – в его условиях и в дальнейшем – были одинаковы, или же они отличались от отношений Нового времени.

Следовало бы здесь назвать особую роль управления и благотворительной помощи в современном (от Нового времени идущем) государстве или роль религиозного культа как части задач античной политической власти. И может ли не иметь значения то обстоятельство, какие масштабы приобретает для современной деятельности взгляд из будущего, которое описывается в программах, или, наоборот, взгляд, легитимизируемый древнейшей традицией, отклонение от которого понимается, прежде всего, как неправильное развитие. Эти примеры можно умножить. Названных достаточно, чтобы показать, что если идентичные феномены идентифициро-

вать, эти идентичные феномены в различном контексте будут иметь как раз очень различное значение. Следовательно, недостаточно «зацепиться за крючок» списка вопросов, чтобы полис обозначить «государством» так же, как современные государства.

Против таких размышлений можно возразить, что полная тождественность также и в современности не наблюдается – ни синхронистически, ни диахронистически. Такие понятия, как «государство», всегда, следовательно, абстрактны. Это, без сомнения, правильно. Однако, чтобы не применять свои собственные, обусловленные эпохой, представления, будет очень полезно, если при сравнении исторических и современных феноменов по возможности выбрать понятия, которые позволяют выдерживать дистанцию.

Можно лучше понять также и своеобразие отношений Нового времени, если заостренно акцентировать не одинаковое, но различное. Прежде всего, различие позволяет собственно получить из научно-исторического рассмотрения выводы и об особенностях также собственного положения и, вместе с этим, об отправной точке для дальнейшего развития или его корректировки. Вопрос о тождестве, как кажется, такие возможности блокирует.

Из всего этого, конечно, не следует, что полис нельзя обозначать как «государство», но спрашивается, не является ли понятие «государство» «обманчивой абстракцией», которая ставит под вопрос его научную пригодность. (Выражение «обманчивая абстракция» принадлежит Карлу Шмитту⁶).

Не является, наконец, выходом из положения, что – ввиду сказанного – понятие «государство» используется нерешительно, и применительно к античным общностям охотнее говорят о «государственности». Проблематика будет почти скрыта, если поступить примерно также, как Ханс Ульрих Вимер во введении к обобщающему достойному сборнику под названием «Государственность и политическая деятельность в Римской Империи»⁷, который излагает исключительно в одном примечании, почему в статьях идет речь и о «государстве» и о «государственности», хотя, естественно, известно, что речь идет о понятии, первоначально обозначавшем развитие Нового времени.

Можно отметить, что Вимер⁸ дает ссылку на статью Уве Вальтера⁹, указывая на «суверенитет» и на «монополию легитимного осуществления власти», как определенные – отличительные – черты государства. «Различается более институционализация, т.е. овеществление, выполнение задач сообщества, из-за чего с необходимостью имеется различная степень «государственности». Эта формулировка близка к цитированной выше формулировке Козеллека. Но Козеллек, кроме того, требовал, и требовал по праву, чтобы поясняли, в каком объеме эти элементы должны быть в наличии, чтобы действительно можно было говорить о государстве. В плане понятности (для понимания смысла) кажется, вдобавок, проблематичным – считать ненужными как раз такие отличительные черты, как, например, «суверенитет», которые для Карла Шмитта решительно были нужны, чтобы обосновать новизну политических форм организации «государства» с XVI в.

Что еще отличает собственно политический союз или Церковь от такого абстрактного «государства»? В противовес «размягчению» понятия следует напомнить, что понятия только тогда содержат аналитическую заостренность, если они ясно определяют границы, которые позволяют четко сказать, что к этому принадлежит, а что – нет. Также и понятие «государственность» может использоваться, если только можно определить существенные элементы, что такое есть государство, но оно не может использоваться в том случае, если они (эти элементы) отсутствуют, и из-за этого избегают ясно говорить о «государстве».

По существу удаляется Вимер с его описанием «государства» и «государственности» и без того уже далеко от понятийно-исторического применения и юридического понимания основ дефиниций и взамен этого приближается к упомянутым представлениям о социальном развитии, которое сформулировала социальная антропология. Это указывает уже на то, что здесь предпосланы этноцентристские соображения, поскольку приводятся свидетельства, как долго

⁶ Schmitt C. Staat als konkreter, an eine geschichtliche Epoche gebundener Begriff // Schmitt C. Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924-1954. Berlin, 1958. S. 376.

⁷ Wiemer H.U. Staatlichkeit und politisches Handeln in der römischen Kaiserzeit. Berlin - New York, 2006. Anm. 3.

⁸ Ibid.

⁹ Walter U. Der Begriff des Staates in der griechischen und römischen Geschichte. // Althistorisches Kolloquium aus Anlaß des 70. Geburtstages von Jochen Bleicken / Th. Hantos, G.A. Lehmann (Hrsg.), Stuttgart 1998. S. 9-27.

другие общества достигают той степени развития, которая соответствует их собственному развитию. Скепсис в противоположность этому проистекает менее из „political correctness“, но из-за того, что лежащие в основе взгляды о необходимом направлении социального развития, есть, по меньшей мере, не более, чем само собой разумеющиеся¹⁰.

Кажется, стоит совместить этнологические и исторические выводы, что определенная степень сложности общества может достигаться различными путями развития и отнюдь не вписываться в понятие «государство». Отсутствие государственных организационных форм не есть, однако, индикатор недоразвитости. Кроме того, очень мало помогает обозначение такие обществ как „stateless“. Выразим в сравнении: в биологии также нельзя ничего получить для пользы дела, если при ботанических исследованиях установить, что рассматриваемые организмы не относятся к животным.

Наконец, нужно напомнить, что этнологические и антропологические исследования явно не достигают согласия в вопросе, какие критерии должны выполняться, чтобы «государственная» ступень была достигнута. В зависимости от того, какие дефиниции привлекаются, можно, поэтому, полис как «государство» представить или отклонить такое понимание, поскольку нужен типичный пример государства. В соответствии, с определением, что государство – это политическое сообщество, большее, чем локальное, нельзя даже ничего определить как город-государство.

Было бы наивным требовать, что только полностью неоспоримые дефиниции могут быть использованы для научного анализа и в языке науки. Но применение всегда предполагает четкость, что из предложенного используется.

Я прерываю эти рассуждения, суммирую их и соединяю в общий взгляд. Обозначение «государство» для античного политического сообщества не только не кажется что-либо проясняющим, но ведет к различным точкам зрения и дезориентирует, поскольку феномены, которые современники строго различали, такие как полис и царство или – позднее – империя, объединяются в этом едином понятии. Было бы оправданным его применение, если бы это понятие обладало аналитической заостренностью, которая позволяла бы ясно отличать одни политические формы от других.

Однако показательно, что применяемое для времени до новой истории понятие «государство» приносит пользу только в качестве очень широкой абстракции, что оно не отвечает более точно на требования понятийной ясности. Из этого проистекает неопределенность сопоставлений, и возникают дебаты, которые, хотя и заостренно акцентируют единичные элементы античных форм политической организации, однако тенденциозно искажают или недооценивают совокупность и контекст таких элементов в анахронистической перспективе. Общая самая ранняя формула «государства» – как высшего и сильно дифференцированного комплексного социального объединения в соответствующих организационных формах – проявляется как модернистское этноцентричное обозначение, которое затемняет вдобавок понимание того, что пути общественного развития ни в коем случае не являются само собой разумеющимися.

В обобщенном виде это выглядит так, что применение понятия «государство» для обозначения феноменов, имевшихся в Античности, всегда указывает на значительный теоретический дефицит: важнейший познавательный потенциал своеобразия Античности – как это преподносит и социальная антропология – длительное время интерпретируется в виде специального придания законченной формы политической организации как государства в рамках собственно современного опыта новой истории.

Вместо того, чтобы посвятить себя изучению иллюзорной проблемы, – можно ли так далеко абстрагироваться или модифицировать, чтобы античные формы и формы проявления политического сообщества Нового времени объединять в понятие, развившееся в конкретной современности, – вместо этого необходимо исследовать категории, среди которых полис, царства, *Imperium Romanum* и государства, а также и совсем другие формы, изучить наблюдения исторической науки и наблюдения антропологии, к взаимной пользе суметь протянуть связи. Польза состояла бы в аналитической ясности, особенно в том, чтобы для решения проблемы принять во внимание обилие и неодинаковость форм, увидеть людей, изобразить их совместную жизнь, обратиться к вечным вопросам, как может быть организована власть, которая в той же степени необходима, как и опасна.

¹⁰ Myths of the archaic state. Yoffee N. (Ed.). Cambridge, 2005.